

В. М. ФАЛИН

Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания

<Фрагмент>

Как самому себе подставить ножку

В. Брандт среди первых зарегистрировал смену в показаниях политического барометра — осенью 1973 г. стрелка дрогнула и с позиции «ясно» поползла в сторону «переменно». Внешне ничего не предвещало ухудшения погоды в Северном полушарии. Напротив, после визита Л. И. Брежнева в Федеративную Республику (май) и Соединенные Штаты (июнь) горизонты, по всем признакам, просветлели. Администрация США почти без заминок выговаривала слова «мирное сосуществование». Понятие «одинаковая (равная) безопасность» как будто не вызывало изжоги. Было даже подписано соглашение, нацеливавшее Москву и Вашингтон на совместные (или параллельные) усилия по предотвращению опасности ядерной войны. Что же стряслось?

Приезд генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в ФРГ (18–22 мая 1973 г.) стал апофеозом советско-западногерманского сближения на базе начальной, назовем ее оригинальной, концепции поворота лицом к Востоку, провозглашенной социал-либеральной коалицией¹. Если бы в Москве не мелочились и придерживались не арифметической (двух соглашений и одного протокола хватит!), но политической мерки, то договорной навар от этого визита мог бы быть погуще и поразнообразнее. Если бы достало прозорливости не присягать «или — или» — акцент на сотрудничество с ФРГ либо с США, — то удалось бы содержательнее определиться по ряду аспектов европейской безопасности и контроля над вооружениями. В целом, однако, встреча в Бонне продемонстрировала — обе страны на верном пути к добрососедству, граница, сквозь Германию рассекающая Европу, не обязательно должна оставаться синонимом вражды.

В политике редко случается, чтобы всем было хорошо. И в Федеративной Республике, и на запад от нее, и за океаном давали

себя знать недовольные. Лексика разная, мелодия схожая — Западная Германия была создана во имя борьбы до победного конца, ей не положено отклоняться от этой возложенной на нее миссии. Отношения ФРГ с США и другими союзниками по НАТО должны всегда иметь приоритет перед отношениями с СССР и его союзниками.

Если по гамбургскому счету, этого и следовало ждать. Быстро сказка сказывается, не скоро дело делается. Лишь три с половиной года минуло, как западные и с ними восточные немцы занялись, позаимствуем образ у Дж. Ф. Даллеса, мучительной переоценкой ценностей. Болезни входят в нас пудами, а выходят золотниками. Пристрастия тоже.

У какого государственного визита нет, как у Луны, невидимой стороны? Как встретить гостя? Формально он не первое лицо государства. Где размещать? Резиденция совпосла слишком мала. Здание посольства в Роландсэке — его и показывать стыдно. Значит, советская территория отпадает. Что предложить хозяева? Гостиницу. Соображения престижа и безопасности приходят в столкновение. Наши прощупывают, не найдется ли чего на территории ведомства канцлера? Там есть бунгало, которым В. Брандт не пользуется. Я твердо рекомендую не ставить ни себя, ни канцлера в неловкое положение.

Оказалось, что лучше Петербурга² в Бонне и его округе ничего и нет. Столица ФРГ несла на себе печать временности. Прием Брежнева укреплял мысль: на будущее стоит запастись более солидным вариантом, чем наспех румянить и пудрить старицу перед выводом на бал.

Для охраны высокого гостя были стянуты многочисленные наряды полиции из многих земель ФРГ. Утверждали, что это была крупнейшая полицейская операция такого рода за всю историю государства. Без нерасчетных ситуаций не обошлось.

Об одной позаботился сам Л. И. Брежнев. На площадке, что на самой макушке Петербурга, ему показывали кабриолет «Мерседес-Бенц», аналогичная машина предназначалась гостю в подарок. Ни слова не произнося, генсекретарь сел за руль, включил зажигание и понесся на глазах у опешившей охраны вниз по серпантину и, развернувшись, тем же манером вверх. Выключил мотор, захлопнул дверь, провел рукой по капоту:

— Добротная машина.

Минуты тягостной неизвестности доставил он хозяевам и своему сопровождению. Дорога непростая даже для профессионалов. Хорошо, что покрытие сухое и встречных машин не попало, да водительские навыки у Брежнева были отменные.

В другом случае нарушителем регламента выступил я. Кавалькада лимузинов пробирается из Петербурга через улочки Кёнигсвинтера в направлении ведомства канцлера. Вдоль маршрута множество людей приветствует советского лидера. Дети, молодежь, женщины, старики. Брежнев ворчит:

— Что меня держат и возят, словно заключенного. Никому руку не пожать из простых людей, в глаза не посмотреть.

Обращаясь ко мне, говорит:

— Останови машину, или я открою дверь и выскочу на ходу.

— Леонид Ильич, в здешнем монастыре не наш устав.

Генсек мрачнеет, порывается проверить, заблокирована ли ручка двери. Я на всякий случай по переговорному устройству прошу служащего безопасности, сидящего рядом с водителем, сделать так, чтобы дверь изнутри не открывалась. Брежнев спрашивает:

— О чем ты лопотал по-немецки?

— Интересовался, можно ли открыть крышу машины.

Брежнев оживился.

— Вот молодец, ловко придумал. Скажи, чтобы открыли. Хотя так пообщаюсь с народом.

Делать нечего. Дверь, как мне ответили, не блокируется, а Брежнев уже готов катапультироваться. Прошу открыть крышу.

Генеральный секретарь поднялся в рост. Плечи расправлены. Лицо сияет. Кинохронике с телерепортерами подарок. У охраны сердце опять в пятки ушло. Из следующей за нами машины мне знаками показывают, чтобы я прекратил безобразие. Потерпите чуточку. Проехали Кёнигсвинтер. Брежнев, довольный, как напроказивший ребенок, говорит:

— Ну спасибо, удружил. Будет хоть что-то незаорганизованное вспомнить. А то скачешь с одного мероприятия на другое как заводной.

Прошу закрыть крышу. При въезде в Бонн Брежнев порывается снова встать. Я воспротивился — на скорости небезопасно, к тому же вот-вот будем на месте.

Кортеж въезжает на территорию резиденции канцлера... И тут Брежнев распаивает дверь. Толпа кидается к замедлившей ход машине. Сразу несколько человек хватают его за руку. Не подоспей молодцы из охраны, выволокли бы гостя наружу или руку ему напрочь вывернули.

С. Н. Антонов³, начальник нашей службы безопасности, с претензиями ко мне:

— Куда ты смотрел? Ведь любой мог снять Леонида Ильича с первого выстрела, когда он стоял в машине. И теперь. Смотри, рукой трясет, еще не сумеет подписать бумаги.

— Вот именно теперь. Ты же видел, как он распалился. Не открой крышу, сиганул бы наш генсек в дверь. Но чтобы дверь контролировать, забота не моя.

С генералом Антоновым, крепко обожженным и все же выбравшимся в войну живым из танка, мы знакомы не один год и неплохо понимали друг друга. Отвечая за безопасность генерального секретаря, он не впадал в холуйство. Общаясь с теми, в ком не сомневался, давал объемные характеристики и Брежневу, и присным.

Подписание соглашений. Уже расписавшись своим каллиграфическим почерком, генеральный спрашивает при мне Громыко:

— Я не приметил, как в соглашении обозначено — за Советский Союз или за правительство?

— Все правильно, Леонид, не беспокойся.

Беспокоился Брежнев не зря. Мидовским юристам договоры во сне снились, но им почему-то в голову не пришло, что ни как генеральный секретарь, ни как член Президиума Верховного Совета СССР гость не вправе был без особых полномочий выступать «от имени правительства», а там именно так значилось. Это, между прочим, к вопросу о сообразительности Брежнева.

С охраной и радетелями, не ведавшими меры в «заботах» о благополучии Брежнева, вернее — генерального секретаря, мне пришлось повздорить еще раз, когда они уперлись и ни в какую не принимали приглашение правительства Северный Рейн — Вестфалия на завтрак в Шлоссберг⁴, отстоявший всего в получасе полета на вертолете от Бонна. В. Брандт попросил меня помочь, чтобы выезд за пределы столицы ФРГ все же состоялся.

— Это нужно лично мне. Я связан словом. Это нужно и Брежневу, чтобы не создалось впечатления — сиднем просидел пять дней в Бонне, обложенный тысячами наших полицейских и двумястами своих телохранителей.

Поздно вечером захожу в комнаты, отведенные лично Брежневу. Посиделки на Венусберге изрядно затянулись.

Генсек интересуется, каковы отклики на советско-западногерманскую встречу в Федеративной Республике и на Западе вообще.

Мы снабжали его информацией неустанно. Помощники генсека А. М. Александров и А. И. Блатов исправно несут свою службу — от них Брежнев получает привычный телеграфный паек со всего мира. Так что его вопрос об откликах больше для вводки в разговор.

Брежнев благодарит посольство за организацию визита.

— Ты не подстраиваешься, и я это ценю. Очень хорошо, что немцы тебя уважают. Перед отлетом в Москву надо бы поговорить, как действовать дальше.

— Пока же, зная, что вам советуют другое, еще раз докладываю личную просьбу Брандта. Примите приглашение министра-президента правительства Северный Рейн — Вестфалия Х. Кюна⁵. Канцлер придаст этому значение. Он обещает, что политику в замке сервировать не станут, а с вертолета, на котором Брандт полетит вместе с вами, удастся увидеть хотя бы малую толику Федеративной Республики.

Брежнев дает указание позвать Громыко, Патоличева, Бугаева. Министр гражданской авиации в отлучке. Являются двое его коллег по правительству. Генсек сообщает, что Брандт просит вернуться к приглашению Кюна. Как поступим?

Громыко говорит:

— Ведь решили. Что еще рассматривать. Тебе ни к чему летать на немецких вертолетах. Мало ли что надо Брандту. Программа и без того насыщенная.

Генеральный избалован вниманием и принимает его как должное, но показная опека ему претит. Не приглашая Патоличева высказаться, он сухо прощается:

— Идите отдыхать. Утром посмотрим.

Министр по дороге мне выговаривает:

— Что вы суетесь не в свои дела? Если с Брежневым что-нибудь случится, с кого будет спрос? С вас, что ли?

Не знал я, что незадолго до поездки в ФРГ Брежнев перенес операцию и врачи якобы предостерегали против «вибраций». Таким образом, вертолет, и без того, по советским понятиям, «рискованное транспортное средство», превращался в противопоказание здоровью. Подброшенный кем-то надуманный довод Громыко стилизовал в постулат.

Наутро, приехав, как и во все остальные дни, в 8.15 в Петербург, узнаю, что Брежнев отдал распоряжение — лететь. Поджидаем, когда он выйдет из своих апартаментов. Громыко сызнова читает мне нотацию, а появление Брежнева встречает тирадой:

— Вчера выдался трудный день. Леонид, ты заслужил несколько часов отдыха. Опять же вертолет.

— Решено. Я лечу. Кому надо задержаться в Бонне, пусть остается.

Эпизод сам по себе пустячный. Земля не содрогнулась бы, поддайся Брежнев уговорам «доброхотов» и останься в Петербурге. Но присмотр устанавливался все более глухой. Мультиплицированное внушение способствовало распаду личности подопечного. Через полтора года советский лидер впадет в сумеречное состояние. Благодаря усилиям Е. И. Чазова и других профессоров будут наблюдаться ремиссии, впрочем, с каждым годом все более краткие. Кому-то сие было удобно и надобно.

Перед прибытием генерального секретаря в ФРГ и по ходу визита больше всего нервотрепки задал опять-таки Западный Берлин. Четырехстороннее соглашение не всегда спасало. Каждая сторона тянула его, как одеяло, на себя. На Берлине сорвалось научно-техническое соглашение, что тоже намечалось заключить в дни пребывания Брежнева в Бонне. В проекте совместного советско-западногерманского заявления раздел, относящийся к Западному Берлину, эксперты взяли в скобки, передав на арбитраж министрам иностранных дел. Но статс-секретарь П. Франк посчитал, что знаки препинания в четырехстороннем соглашении не должны уподобляться полосе с препятствиями, и встал насмерть.

Назавтра подписание заявления. Брандт уполномочил Бара встретиться с Громыко, чтобы изыскать выход. Министр принимает Э. Бара в моем присутствии.

Э. Бар замечает:

— Мы тоже участвовали в переговорах и знаем, какой смысл вкладывался в каждое слово и положение соглашения по Берлину.

— Федеративная Республика в переговорах не участвовала.

— Возможно, я выразился не совсем точно. Федеративная Республика не была сторонним наблюдателем при выработке соглашения.

— Федеративная Республика не имела отношения к четырехсторонним переговорам.

А. А. Громыко совершает обряд закрытия не худшей главы в советско-западногерманском взаимопонимании с издевательской интонацией. Ради чего? Отыгрывается на мне за состоявшийся полет в замок? Ставит заслон новым нашим «сговорам»? Мстит за унижения, перенесенные в процессе ратификации Московского договора?⁶ Подтверждает, что Западный Берлин остается «любимой мозолью»? С меня довольно. Визит, конечно, закончим на приличной ноте, но чтобы дальше выносить причуды министра — нет, увольте.

Э. Бар замолк. Громыко в свою очередь не торопится что-либо предлагать. Незвано встречаю в то, что беседой не назовешь:

— Может быть, нам с Баром прикинуть развязку? Ни о каких новых урегулированиях речи не идет. Нужно емко и конструктивно передать политическое отношение СССР и ФРГ к действующим договоренностям.

— Вот-вот. Все, что требовалось решить, — подхватывает министр, — четыре державы решили. Теперь принятые решения надо выполнять. Собственно, ничего другого не требуется записывать в совместном заявлении.

— Весьма важным было и остается, как сказать то, что нужно сказать. Иначе заявление свелось бы к перечню обсуждавшихся

вопросов. Если мое соображение кажется лишним, тем лучше, у меня других забот предостаточно, — теряю я терпение.

— Возражений, чтобы вы с Баром приложили руку к проекту совместного заявления, у меня нет. Получится — хорошо. Не получится — обойдемся без упоминания Западного Берлина.

— Без западноберлинского пассажа совместного заявления не будет, — отрезает Э. Бар. — Я себе не очень представляю, когда мы с послом сможем отключиться от других дел и засесть за формулировку по Берлину.

— А ночь на что? — желчно замечает Громыко.

На этом «содержательная» встреча с министром закончилась. Мы договариваемся с Э. Баром встретиться, если удастся, попозже вечером и в любом варианте зарезервировать время следующим ранним утром.

Не помню, чтобы мы сходились в тот же день. Детали встречи в 7.30 утра 21 мая запечатлелись. Формулировка «строгое выполнение и полное применение» (соглашения от 03.09.1971 г.) далась со второго или третьего захода. После все образуется. Наше предложение получит одобрение П. Франка. Пожевав слова, его примет Громыко.

Можно печатать недостающую страницу совместного заявления и подтверждать, что подписание документа состоится в назначенный ранее час. Время поджигает. Бар звонит кому-то и просит подослать вертолет. Пока мы делимся впечатлениями о том, как складывается визит. Едва ли не основной его результат, на взгляд Э. Бара, в упрочении доверия между двумя лидерами. Если с умом капитализировать этот фактор, многое можно сделать.

— А что с вашим министром?

— Вам с Рашем казалось, что я прикидываюсь, предрекая нелогичную реакцию моего министра. Вчера вы убедились, как дело обстоит. Для себя я выводы сделал. Зря я соглашался на Бонн. В прежней должности было легче приносить пользу делу. Сегодня или завтра, как удастся, я официально поставлю вопрос о возвращении в Москву. Урок, мне заданный, — ратификацию договоров, я исполнил, пусть не наилучшим образом. С меня довольно.

— Мы с Брандтом обменивались мнениями по поводу ваших сомнений. Ваше отсутствие в Москве ощущается, и даже очень. Но кого пришлют на должность посла в Бонн?

— Свято место пусто не бывает.

Пора лететь. Десять — двенадцать минут, и мы в Петербурге. Панорама Рейна неутешительная. Сверху видно, как ему достается от людского неразумения. Словно саваном, он накрыт пленкой

нефти — куда хватает взор. Старик бурлит, не сдается, но где ему против соединенного беспредела четырех наций.

Вечером генеральный секретарь дает обед в честь федерального канцлера. Гостей будет много, хотя желающих попасть в число приглашенных еще больше. Особо сановитые из немцев придиричиво удостоверяются, за каким столом и с кем рядом их посадят. Например, Ф.-Й. Штраусу показалось, что председатель ГКП Г. Мис размещен слишком близко к нему. То, что главный мировой коммунист приглашает, не отвращало, а свой портит аппетит. Мороки с приемами всегда много, а тут — в неудобном помещении, свертхплотно уставленном столами, и еще с сугубо национальным меню. Ладно, бог не выдаст, кто-то не съест.

Днем по программе мы предоставлены сами себе. Громыко приглашает разделить с ним ланч. Вот он, его величество случай, чтобы внести кое-какую ясность. Министр, сбросив давление, в уравновешенном состоянии.

Никаких сложных тем не трогает, все больше о погоде, природе и человечестве. И так до момента, пока не подали чай.

— Визит, похоже, удался, — говорит он. — Конечно, на ФРГ свет клином для нас не сошелся, но приличный тонус в отношениях с ней желателен. Даже очень. На европейском направлении нашей политики особенно. Московский договор заложил основы. Само собой, однако, дело вперед не пойдет. Следует и дальше считаться с попытками сбить ФРГ с правильного пути. Мы рассчитываем на энергичную помощь со стороны посольства.

— Согласен с вами. Процесс модернизации наших отношений с ФРГ будет сложным и долгим. Пока больше намечено, чем сделано. Визит подтверждает, что двигаться вперед можно и более высоким темпом. Было бы грешно не воспользоваться этим. Думаю, что в интересах, как вы выразились, «энергичной помощи со стороны посольства» стоило бы сменить в Бонне посла. Данные мне при назначении поручения я в меру способностей выполнил и убежден, что дело только выиграет, если с достигнутой отметки его поведет другой дипломат.

— Отказываюсь понимать вас. Отношения с ФРГ на подъеме. Встреча в верхах открывает новые горизонты. Отчего такое настроение? Не понимаю.

— На мой взгляд, совсем неплохо, когда новый посол получает от предшественника не расстроенные дела. Мной руководят трезвый расчет и забота о деле. Помимо этого есть еще личные планы, для которых время имеет не второстепенное значение.

Громыко избегает конкретизировать, на какие личные планы я намекаю. Допускаю, что они так или иначе достигли его слуха,

ибо особой тайны из желаний сойти с дипломатической орбиты я не делал. Но чтобы посол предпринимал подобный демарш во время визита генерального секретаря? С него станет, возьмет и обратится напрямую к Брежневу, сопроводив заявление об отставке вредными комментариями.

— Решительно с вами не согласен. Но раз вы ставите вопрос, будем его рассматривать.

Министр пережил минуты растерянности в тот же день или на следующее утро, когда при нем и Н. С. Патоличеве генеральный говорит мне:

— У меня на этот раз не получится встречи с сотрудниками посольства. Ты поблагодари их от моего имени за работу. Скажи, мы видим, как вы здесь крутитесь. Может, у тебя есть какие-то вопросы, где я помогу?

Министр ел меня глазами. Весь в ожидании — стану я излагать аргументы в пользу смены посла или нет? Мне театр ни к чему. Обещание рассмотреть мое обращение насчет отставки дано. Расстанемся не на склочной ноте. Поэтому поднимаю совсем другую тему:

— Товарищи в посольстве будут вам признательны за оценку их труда. Во всех звеньях представительства много людей достойных, несущих службу по совести. Они работают, правда не зная, за какую зарплату.

После небольшой паузы я продолжаю:

— Вы, Леонид Ильич, привыкли, что послы обращаются к вам с просьбами о приведении зарплаты в соответствие с растущими ценами. Я же просил бы не урезать окладов нашим сотрудникам.

— Как так?

Кто-то когда-то привязал зарплату за границей к доллару США. Немецкая марка девальвируется, соответственно нам тут же понижают денежное содержание, как если бы от курса доллара зависели потребительские цены в ФРГ. Есть и другие бюрократические шедевры. С 1926 г. уровень зарплаты за рубежом ориентирован на так называемый «бюджетный набор». Пару месяцев в году два сотрудника посольства и торгпредства тем и занимаются, что рыщут по магазинам, чтобы задокументировать, сколько стоят галоши, кальсоны и т. п. Многие товары, к коим пристегнут набор, здесь исчезли из обихода, но наших чиновников это не волнует. Давай эрзац. Зато не предусмотрено трат на книги, газеты, кино, радио, телевидение. Бриться положено раз в неделю. Мыться и того реже. Лекарства, очки — вне сметы. Каменный век.

Брежнев не верит своим ушам.

— Ты шутики шутишь.

— Нет, он верно докладывает, — поддерживает меня Громыко.

— Если верно, то отчего мы выставяем себя на посмешище?
— МИД и МВТ много раз порывались отменить устаревший порядок, но Министерство финансов...

Генеральный секретарь прерывает Громыко:

— Страшнее Минфина зверя нет? В течение месяца доложить предложения мне лично. Безобразие. По пустякам не в состоянии договориться в правительстве. Все тащат наверх.

Месяца через полтора метод исчисления зарплат в всех советских загранпредставительствах был изменен. Кто-то выиграл от этого. Были и потерпевшие. Но меньше стало приписок и обманов, которые как ржа разъедают, подогревают другие пороки.

С рассмотрением моего заявления о возвращении в Москву Громыко не спешил. Он мог воспользоваться тем, что летом 1973 г. я сломал себе позвоночник, и аккуратно отправить меня на покой по болезни. Громыко не захотел прибегнуть к удару ниже пояса.

Почему я сам не взял медицину в союзники? Ответу без утайки. Врачи предлагали выйти на пенсию по инвалидности. С подобным статусом наука, любая другая более или менее активная деятельность оказывались для вас закрытыми. В сорок семь лет от роду — рановато. Надо было восстановиться и уже потом опять приниматься за свое.

Громыко получал от меня регулярные напоминания о том, что просьба об отзыве остается в силе: в 1974 г. (после сложения В. Брандтом обязанностей канцлера), в последующие годы по разным поводам и без поводов. Начальник секретариата министра В. Г. Макаров докладывал мои письма Громыко, а тот распоряжался — оставлять без ответа.

Зайдем с другого фланга. Летом 1975 г. ставлю в известность Л. И. Брежнева — я не считаю нужным и полезным свое дальнейшее пребывание в Бонне. Он воспринимает обращение спокойно. Судя по всему, министр что-то говорил ему.

— А как ты видишь свое будущее?

— Если вы предоставите мне определить его, то выбор падет на науку.

— Иноземцев в науку, Арбатов туда же, теперь ты. Тепло и никакой ответственности. Придумаем для тебя что-нибудь другое.

На следующий год разговор с генеральным о моем будущем получился более продолжительным и конкретным. Меня пригласили перейти в ленинградский Эрмитаж. Генеральный секретарь был чужд искусству, изобразительному в особенности. Для него оно являлось родом баловства и утех. Отвергнув идею с Эрмитажем, Брежнев «твердо обещает решить мой вопрос» после того, как я проведу его второй визит в ФРГ. Потом спрашивает:

— А каковы у тебя отношения с Громыко?

— Однозначно не обрисуешь. То как, будто лучшего желать нельзя, то...

— Незачем тебе по возвращении идти в МИД. Давай условимся так: сразу после повторной моей поездки в ФРГ я тебя отзываю и сам предложу тебе работу.

— Согласен, но, прежде чем затверждать мое будущее, хоть наметьте, куда спровадите.

В 1978 г., встретив Брежнева, я ехал с аэродрома в отведенную гостям резиденцию — замок Гимних в одной машине с Громыко. Генеральный в курсе, что я настаиваю на немедленном отзыве. Не вредно будет освежить мое требование также в памяти министра.

— Семь лет в Бонне более чем достаточно. Если по часам, от данным работе, то здесь год за два надо считать.

Министр в раскованном настроении.

— Декабристы сидели дольше.

— Готов досиживать в Сибири.

— Раз вы такой настойчивый, будем решать. Правда, вот Анатолий Федорович два десятилетия в Штатах — и ничего. Москва без него не завяла.

— С Добрыниным дело ясное. Без него Вашингтон не может.

Во второй день визита, будучи наедине с Брежневым, говорю ему:

— Вы человек слова. В 1976 году вы твердо обещали отозвать меня с дипломатической работы после вашего нового визита в ФРГ. Помощники, видимо, сообщили вам, что мое намерение сменить род занятий твердо, как никогда.

— И без помощников я помню и подтверждаю свое обещание. Считаю, что вопрос решен.

Я не видел Брежнева с полгода, и перемены к худшему бросались в глаза. Чаще всего он пребывал во взвинченном состоянии, и сопровождающие лица, включая Громыко, старались не попадаться ему на глаза. Не по летам старый человек, числившийся лидером великой державы, отдавался в общество телохранителей и услуги.

Перечить ему, по медицинским соображениям, не полагалось. Все дела обдeldывались за спиной генерального. Оставалось поймать момент, чтобы заручиться его формальным «добро». Подступало время какого-то мероприятия, остатками воли Брежнев взнуздывал себя, читал заготовленные А. М. Александровым и А. И. Благовым бумажки. Даже под задававшиеся по ходу бесед вопросы тут же строчились ответы, которыми вооружался главный гость.

Л. И. Брежнев смутно чувствовал, насколько нелеп гибридный театр теней с театром масок, и после каждой из встреч возбуждался еще больше, чтобы затем погрузиться в апатию. Не хочется сказать — в депрессию.

Сначала я не очень сориентировался, чего ради Громыко охотно меня отряжал к генеральному. Раньше мои уединения с ним вызвали жестокую ревность. Теперь они могли сойти за громоотвод. И по человеческим, и по политическим мотивам я не уклонялся от схимны. Без разговоров по душам еще труднее было бы готовить Брежнева к исполнению тягостных для него обязанностей. Но стоило придать нашим беседам политическую окраску — и как это ему удавалось засекать! — министр встревал: «не утомляйте Леонида Ильича», «не сбивайте его с толку» и пр.

О ракетах средней дальности разговор впереди. Тут о сущей мелочи.

Программой предусматривалось посещение Брежневым родного города Г. Шмидта — Гамбурга. Я обращаюсь к нему:

— Леонид Ильич, гамбургцы народ своеобразный. Они орденов не принимают, а иногородцы, кто там поселяется, имеющихся не носят. Не сочтете ли вы целесообразным принять во внимание эту традицию? Думаю, такой жест был бы оценен.

— Спросим главного нашего протокольника — Громыко.

Министр не находит ничего лучшего, как заявить:

— У них свои традиции, у нас свои. Чего тебе, Леонид, стесняться показывать свои честно заслуженные награды?

Брежнев носил в эту пору на груди целый иконостас, навлекая на себя бесконечные насмешки. Д. Ф. Устинов и К. У. Черненко за запевал, А. А. Громыко, Ю. В. Андропов, М. А. Суслов за ассистентов подбрасывали ему все новые побрякушки. Лишь бы не мешал.

Что случилось летом — осенью 1973 г. и обусловило закат разрядки, прежде чем она успела в должной степени проявить себя? Не субъективен тот, кому все безразлично. Я не намерен делать вид, что тогда или после мне все было известно. Это будет одно из мнений, которое, однако, я готов защищать.

Спросим себя для затравки: могут ли быть договоренности надежным индикатором состояния международных отношений и в особенности их перспектив, если они замыслены как маневр, обслуживающий закамуфлированную конфронтацию? Не спешите заметить, что ответ содержится в самом вопросе. Обратимся к свидетельствам маститого архитектора политики в администрации Р. Никсона.

Тяга к разрядке, согласно госсекретарю Г. Киссинджеру, вызывалась тремя разностепенными интересами: во-первых,

«тактическими соображениями», связанными со стремлением переиграть Советский Союз, поскольку США не были в состоянии достаточно быстро продвигать свои стратегические программы и требовалось как-то «остановить советское наращивание» без заключения «постоянных соглашений, которые ограничивали бы модернизацию американского арсенала»; во-вторых, избежать ядерной катастрофы; в-третьих, необходимостью ослабить нажим американских сторонников мира.

«Под прикрытием разрядки, — напишет Г. Киссинджер десятилетие спустя, — фактически продвигалась наша политика, состоявшая в том, чтобы сократить и, где возможно, устранить советское влияние на Ближнем Востоке». Г. Киссинджер не претендует на исчерпывающий ответ. О многом другом, им недосказанном, мы узнаем со слов американских военных, дипломатов, ученых, журналистов. Конечно, тоже в отрывках. Впрочем, достаточных, чтобы прийти к неутешительному заключению.

Рассуждая о мирном сосуществовании, о партнерстве, а на пике разрядки — о равной безопасности, США ни на йоту не отдалились от ставки на силу, и вероломство составляло один из элементов ее. В своей изменчивости американская политика соперничала с вирусом гриппа. Для нее «ядерный мир» являлся (отошлю вас к Г. Холлингу и соавторам книги «Покорение войны») не стабильным и постоянным состоянием, а лишь «перемирием без урегулирования». Холодную войну Р. Никсон переименовал в холодный мир, в котором США должны продолжать мыслить категориями «победы».

Москва устала на рубеже 60–70-х гг. от напряженности. Она искала хотя бы передышки и охотно пошла навстречу поданным из Вашингтона сигналам — ядерная катастрофа поглотит всех, ее предотвращение должно стать общей заботой двух сверхдержав. Мы соблазнились яблоком, не ведая, что, в отличие от библейского, оно было насквозь червивым. У американского замысла был дальнего задела умысел.

«Под прикрытием разрядки...» — цинично признается Г. Киссинджер. Но разрядка не манекен на витрине, не броский газетный заголовок. Это — система межгосударственных обязательств. Их положено выполнять, а не прикрывать ими свой срам. Следовательно, действуя вопреки совместным декларациям, в коих фиксировался, в частности, взаимный отказ от курса на военное превосходство, в обход временного соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений, договора о противоракетной обороне, соглашения о предотвращении ядерной войны, США распинали право и мораль, за приверженцев и защитников которых себя выдавали.

Читая мемуары Г. Киссинджера, я много раз спрашивал себя: зачем он представляет себя таким неискренним, испорченным, двуличным. «Нельзя быть злодеем другим, не будучи для себя негодяем» — так и просятся сюда строки Б. Пастернака. Отказываюсь и сегодня верить, что в момент проставления подписей, к примеру, под соглашением о предотвращении ядерной войны помощник президента по национальной безопасности думал то, что написал пятью-шестью годами спустя: Советскому Союзу нужен был жест, и США уступили его настойчивым просьбам, не придавая договоренности никакого значения и не имея в виду его руководство.

Когда увесистый том «Годы в Белом доме» увидел свет, я первым делом впился не в страницы, где автор повествует о выработке с участием К. Раша урегулирования по Западному Берлину или иным способом упоминает меня, но именно в раздел, касавшийся соглашения о предотвращении ядерной войны. И вот почему.

Большую часть лета 1973 г. мне суждено было провести в больнице. Позвоночник сломан. Лежу неподвижно на вытяжке. Всякие думы колышут голову, благо времени незанятого хоть отбавляй. Режим установили строгий. Даже читать в первые недели не разрешено. Сотрясение мозга вдобавок к позвоночнику. Остается лишь вспоминать.

Перебираю каждую деталь визита Брежнева в ФРГ и сопоставляю его с другим событием — только что завершившейся поездкой генерального секретаря в США. Масштаб разный. Это очевидно. Но взаимосвязь явлений тоже налицо. Вчера заключением восточных договоров Федеративная Республика задавала темп эволюции подходов Запада. Теперь Соединенные Штаты возвращают себе инициативу и как будто вырываются вперед. Соглашение о предотвращении ядерной войны может стать рубежным для всего мирового развития. В нем, если выделить суть, выражено неверие в политику концентрированной силы.

После совместных констатаций 1972 г., что ядерный конфликт чреват катастрофическими угрозами для человечества, подписание соглашения выглядело логичным. Озадачивала быстрота перемен. Но если Советский Союз созрел для них, говорил я себе, отчего надо сомневаться в способности США подняться над чертополохом холодной войны?

Американцам, возможно, труднее. Политика с позиции силы — визитная карточка Соединенных Штатов. Преодоление экстремальной формы насилия внутри — рабства — потребовало гражданской войны. Ныне же под вопрос ставился примат силы, причем в самом грозном, ядерном издании, а с ним догма об аме-

риканской исключительности. Достанет ли у Р. Никсона пороха и мужества удержаться на новой высоте?

Думается, на этом соглашении Никсон и сломался. Объяснения постфактум — «русские очень просили», неловко было им отказать; соглашение, как и поцелуи, США ни к чему не обязывает — дурной тон или никудышная политика. Либо то и другое, вместе взятые. К этим объяснениям прибегли в ответ на критику соглашения с СССР извне (в частности, Францией) и возмущение консерваторов дома. Спасая положение, администрация начала сбрасывать из gondолы то, что жгло руки или кололось, и набирать привычный балласт.

Более конкретный вид, по нашим данным, принимали концепции ведения ограниченных ядерных войн («хирургических ударов», «обезглавливания» противника). Форсировалась доработка крылатых ракет различного базирования и баллистических ракет средней дальности с расчетом на их завоз в Европу. Проблематичным или почти бесперспективным делалось включение в процесс ограничений и сокращений оперативного ядерного оружия, а также военно-морских и авиационных систем передового базирования. Венские переговоры о сбалансированном сокращении вооружений и вооруженных сил в Центральной Европе обрекались на бесплодие. В обход договора по ПРО широким фронтом велись НИОКР по элементам борьбы с ракетами.

Спору нет, самое негативное воздействие на политику разрядки, отношение США и других стран НАТО к Советскому Союзу имел новый вооруженный конфликт на Ближнем Востоке. В Белом доме отлично знали, что советское руководство сделало все от него зависящее, дабы удержать А. Садата от прыжка через Суэц. Оно не убоилось даже поставить на карту сотрудничество с Египтом. А что в Вашингтоне? Нагнетали в прессе антисоветскую истерию, как если бы за случившимся стояла Москва, и выжидали, будучи (как и мы) уверены, что саатовская авантюра лопнет, и рассчитывая на фоне омрачившихся отношений Египта с СССР разыграть гамбит с Каиром.

Уже в разгар вооруженной схватки, унесшей новые тысячи жизней и повергшей мир в панику так называемой «нефтяной блокадой», Л. И. Брежнев обращается к Р. Никсону с предложением, смысл которого сводился к следующему: США и СССР объединяют свои усилия ради политического урегулирования на Ближнем Востоке и озабочены тем, чтобы оно стало фактом, если для этого даже понадобится бы прибегнуть к давлению на своих друзей. Вашингтон уклонился от ответа. Мирное урегулирование без вытеснения Советского Союза из региона ему ни к чему. Стартовала

дипломатия «малых шагов». Ей предшествовали или ее сопровождали угрозы взяться за «ядерную дубину».

Израильтяне позволили египетским генералам завести свои войска в глубь пустыни, окружили их, а сами предприняли рейд на Каир. А. Садат, категорически отказывавшийся внимать советам из Москвы, просил о помощи: у Египта нет сил прикрыть свою столицу, выбрасывайте советские заградительные десанты.

Командование Советской армии — а вдруг политическое руководство решится! — приводит в мобильную готовность часть воздушно-десантных соединений. Соединенные Штаты, прознавшие об обращении египетского президента к СССР и связавшие с ним данные аэрокосмической и радиоэлектронной разведок о передвижениях в южных военных округах СССР, подняли по тревоге свои стратегические ядерные средства. Справедливости ради надо упомянуть и о том, что Вашингтон в понятных выражениях объяснил Тель-Авиву, почему он должен сдержать свой пыл.

Соглашение о предотвращении ядерной войны испустило дух на первом же перегоне. Презрев свои же декларации, лидеры США публично угрожают прибегнуть, если потребуется, к ядерному оружию, дабы воспрепятствовать перекрытию нефтяных кранов на Ближнем и Среднем Востоке, и объявляют весь регион сферой американских «жизненных интересов». Впервые за последние двадцать лет опять заговорили об использовании ядерного оружия против неядерных государств, к тому же не обязательно в вооруженной конфронтации.

Если верить западногерманским политикам, при определении концепции разрядки Запад упустил проработать проблематику «третьего мира». Между тем в условиях относительного спада военной опасности соперничество за рынки развивающихся стран, за источники энергии и сырья, находившиеся в «третьем мире», обретало качественно новое измерение. «Третий мир», как некогда при Дж. Кеннеди, получал наивысший приоритет. Подвижки в социально-политической расстановке сил там в ущерб атлантическому сообществу и его друзьям так же нетерпимы, как в Европе. Естественно, перемены с противоположным знаком должны были приветствоваться и поощряться.

Заколебался соучредитель социал-либеральной коалиции В. Шель. Не возьмусь утверждать, что колебания не вызрели раньше, но в 1973 г. министр в приливе откровенности вдруг говорит мне:

— Разладу я предпочитаю согласие. Социал-демократы, однако, ошибаются, считая, что во имя согласия я вытерплю все. Есть пределы, за которыми сотрудничество с ними может оказаться невыносимым.

Разговор происходил в ресторане «Арагви». В. Шеель пожелал занять свободный вечер дегустацией грузинских яств. Московская часть визита министра протекала как-то бесцветно. А тут еще Брежнев заартачился:

— МИД распоряжается моим временем и навязывает прием каждого министра иностранных дел, приглашаемого в Союз. Совсем недавно мы виделись с В. Шеелем в Бонне и обсудили все вопросы.

Гостю подноготную не сообщишь. Он же находит, первым попал под новый распорядок, что советский лидер замкнул свой интерес на В. Брандте, а его, отвечающего за внешнюю политику, блокирует. Обиды, скопленные при переговорах по Московскому договору и западноберлинскому соглашению, быльем не поросли. Вкупе с добавлявшимися вновь они выплескивались через край. Да и наша сторона, не исключая посла, шаблонно переносила советскую монокультуру выработки решений на западногерманскую почву.

Директор ресторана зовет меня пройти в его кабинет. Звонок от Брежнева. Генеральный спрашивает, как В. Шеель, не очень ли он огорчен тем, что из программы выпала их беседа. Просит передать министру иностранных дел заверения в уважении и пообещать, что при ближайшем случае будет рад продолжить с В. Шеелем боннский диалог.

Приветы переданы в самом лучшем виде. Настроение В. Шееля несколько просветлело, но не в такой степени, чтобы пропало желание философствовать о смысле жизни вообще и политической в особенности. Министр не подвергает сомнению концепцию обновления отношений с Восточной Европой, как таковую, однако не слишком доволен практическими ее плодами. По впечатлению Шееля, добившись признания границ, ГДР, ничтожности мюнхенского соглашения с самого начала, СССР и некоторые его союзники избавились от своих комплексов и их больше ничего не поджигает. Не ошибитесь, давал понять гость, но раскрывать скобки не стал.

Надо разобраться, куда стрелки клонятся, а не бежать докладывать начальству — коалиция дает течь. В. Шеель же, видимо, считает, что предостережение лишь выиграет, если оно закончится многоточием. По пути в Ленинград и в самом городе разговоры на самые разные темы, только не об эффективности политики. В выступлении министра внутренних дел ФРГ Г.-Д. Геншера на традиционной встрече либералов в отеле «Трех королей» в январе 1974 г. Советский Союз не попал даже в число возможных партнеров ФРГ. О потенциальной дружбе, что, расчленившись, сулили нам пару лет назад, ни гугу. Курс боннского корабля привязывался к западным маякам. Восточные огни маркировали

главным образом передний край опасностей. Я считал необходимым обратить внимание Москвы на эту переакцентировку, учитывая, что Г.-Д. Геншер презентовал свои размышления в качестве будущего председателя СвДП. В. Шеель готовился сменить Г. Хайнemann на посту федерального президента.

1974 г. ознаменовался серией крупных перемен. Скандал с агентом разведки ГДР Гийомом, внедренным в окружение В. Брандта, побудил последнего покинуть пост канцлера. Уотергейт перечеркнул политическую карьеру Р. Никсона. Назовем два этих имени, и станет ясно — в их отсутствие маршруты движения мировых дел не могли не измениться. Открытым оставалось лишь когда и как.

Когда Брандт проявлял осведомленность в весьма внутренних делах ГДР, он, напомним, совсем не исключал, что кое-какие боннские секреты выуживают восточногерманские рыбаки. Эту сентенцию я замкнул на себя — тебя слушают везде и повсюду, выбирай выражения, если не в состоянии молчать. О существовании чиновника по имени Гийом мне не было известно вообще, и, только увидев его фотографии в газетах, понял, что за человек в приемной провожал меня раз или два пристальным взглядом, когда я переступал порог кабинета канцлера.

Первая мысль — кто-то вознамерился завалить В. Брандта. Если правда, как сообщалось, что Гийом обнаружил слежку за несколько недель до ареста, то почему он не нырнул на нелегальное положение или не бежал в ГДР? Почему не было даже попытки сделать это? Тогдашние и позднейшие разъяснения насчет рискованности такого варианта меня не убеждали.

Г. Венер сразу нацелился на смену В. Брандта. Стало быть, один из оппонентов канцлера обнаружил себя. Кто другой или другие?

Из Берлина поступает обращение Э. Хонеккера — принимая во внимание расположение и доверие В. Брандта к В. Фалину, попросить посла срочно встретиться с канцлером и постараться убедить его не драматизировать произошедшее. Запрос из Москвы, что можно было бы сделать с нашей стороны?

Поагитировать В. Брандта индугировать руководство ГДР равнозначно тому, чтобы подставляться самим. Давать ему советы? Он советов не просит, и помимо прочего мы плохо знаем реальную картину. Не помешает личное послание Брежнева, которое подтверждало бы неизменность симпатий к В. Брандту и готовность поддерживать и впредь с ним отношения, какое бы решение канцлер ни принял.

Пока рядом да мерим, В. Брандт объявляет о сложении полномочий главы правительства. Сообщение попало в эфир за полночь. Еду в посольство. Отстучал телеграмму. Надо бы вслед и вторую

написать — о собственной отставке. Не поймут и обязательно прищиплят ярлык — смалодушничал. Пусть будет по-другому, и о моем зафиксированном уже на бумаге намерении отбыть из Бонна узнает сначала В. Брандт. Беру лист бумаги и изливаю, что у меня на душе. В конверт — и в правление СДПГ, где теперь будет находиться бюро бывшего канцлера.

Послание от Брежнева не заставило себя ждать. Генеральный глубоко сожалел по поводу случившегося. Он заверял, что советская сторона не подозревала о существовании этой мины замедленного действия, иначе порекомендовала бы разрядить ее. Воздавалось должное вкладу В. Брандта в нормализацию отношений ФРГ с Советским Союзом и другими социалистическими странами, выделялась мысль о необходимости, несмотря ни на что, продолжить начатое дело.

Брандт принял меня в штаб-квартире СДПГ. Пертурбации последней недели стоили ему лет жизни. Сопереживание получает отклик.

— Надо позаботиться о том, — говорит он, — чтобы от случившегося наши межгосударственные отношения не пострадали. Что касается ГДР, то печка выгорела. Мешать не буду, но на меня здесь не рассчитывайте.

Говорится это тихо и бескомпромиссно. Печка выгорела, но еще пылает жаром. И нельзя было корить Брандта за то, что он держал себя как человек и только где-то в третью очередь как политик. Хорош был бы я, откликнись на просьбу Э. Хонеккера!

Председатель ставил советское руководство в известность, что социал-демократическая фракция будет рекомендовать на пост канцлера Г. Шмидта.

— Убежден, что он в состоянии обеспечить преемственность на главных направлениях политики. Особенно на первых порах Шмидту понадобятся поддержка и добрая воля советской стороны. Хочу надеяться, что он их встретит.

Через день меня приглашает к себе Шмидт в качестве и. о. руководителя правительства. Будущий, пятый по счету, федеральный канцлер собран больше, чем обычно. Говорит короткими фразами. Порывист в жестах, в каждом движении головы.

— Неожиданно свалились новые обязанности. Меня вполне устраивала прежняя должность, и откровенно жаль, что много внимания займут теперь другие дела. Но президиум партии и фракция решили, что так нужно.

— Думаю, что не потороплю время, если поздравлю вас и пожелаю вам успехов в новом политическом качестве. Если читать немецкую публицистику, то предстоящее избрание вас канцлером

не является столь уж неожиданным. Биограф предсказал вам эту перемену, и именно в 1974 году.

— За добрые пожелания спасибо. Успехи, при прочих равных условиях, пропорциональны прилагаемым усилиям. Информируйте, пожалуйста, ваше руководство, что мои усилия будут направлены на закрепление и развитие позитива правительства В. Брандта — В. Шееля. Какой бы вздор ни заполнял газеты в эти дни, в Москве должны знать, что в Бонне меняются действующие лица, а не политика. Хочу рассчитывать, что советская политика по отношению к ФРГ тоже не изменится из-за персональных перемен здесь.

— Москва, несомненно, с удовлетворением примет к сведению эти ваши высказывания. В свете случившегося ее немало занимал и занимает ввиду противоречивых комментариев вопрос, как сложится дальнейший внешнеполитический курс ФРГ. Некоторые заявления официальных лиц побуждали к размышлениям задолго до аферы Гийома.

Шмидт предлагает раскрыть последний мой тезис. Делает бирюзовым фломастером пометки на осьмушках бумаги. Он напомнил этим В. В. Кузнецова, у которого была привычка так же замечать имена, темы, даты на крохотных листках, тут же исчезающих в правом кармане пиджака.

— Условимся так: если у вашего правительства или у вас возникнет недоумение, устранить которое в моей власти, то я в вашем распоряжении. Со своей стороны попросил бы вот о чем. Брандт сообщил мне, что вы планируете вернуться домой. Смена посла в нынешней ситуации тоже дала бы повод для политических спекуляций. Я заинтересован в том, чтобы вы задержались у нас на разумное время.

— Верно, что мною возбуждено ходатайство об освобождении от посольских обязанностей. Это случилось еще год назад. Следовательно, с отставкой Брандта или уходом Шееля с поста министра мои планы не связаны. Наши с вами контакты имеют более древнюю генеалогию, чем социал-либеральная коалиция, и, надеюсь, нет причин, чтобы они снижали.

Г. Шмидт замечает, что советский посол — первый из дипломатов, с которым он беседует в новом положении и до того, как принес присягу в бундестаге. Это говорит само за себя. Он записывает мой приватный телефон и сообщает свои координаты, по которым я смогу найти его в любое время, если возникнет неотложная потребность.

Потру на другой день я у Г.-Д. Геншера по его приглашению. Впервые ступаю на территорию, где размещаются разнородные,

но сплошь серые здания МВД. За семь лет мне не удалось дознаться, отчего правительственные постройки, старые или новые, в Западной или Восточной Германии — за малым исключением — все на одно лицо и в один цвет. Добавьте чуть зелени, и перед вами униформа, в которой волей-неволей чувствуешь себя солдатом.

С Г.-Д. Геншером мы в последний год не встречались. Внешне все вроде бы по-прежнему, если оставить без внимания уставший вид министра.хлопот и забот у него — врагу не пожелаешь. И свои, и чужие, и не поймешь, откуда сваливающиеся экстремисты. Уголовщина молодеет. Наркобизнес собирает все новые жертвы. Как непросто сохранить веру в гуманное начало, если каждодневно и ежечасно на тебя обрушивается лавина изуверств и извращений.

Министр вводит меня в курс перемен у свободных демократов. В. Шеель в связи с избранием его президентом складывает председательские функции в партии. На этот пост выдвигается его, Геншера, кандидатура. Руководитель МВД и председатель СвДП неважно сочетаются. Он наследует поэтому также правительственное кресло В. Шееля.

Г.-Д. Геншер отмечает, что В. Шеель в своем качестве министра иностранных дел выражал взгляды всей фракции либералов, так же как В. Брандт представлял и проводил в жизнь политику социал-демократической партии. Обоих руководителей, кроме того, держало в рамках коалиционное соглашение, утвержденное депутатами двух правительственных фракций в бундестаге, и, пока соглашение сохраняет силу, ни канцлер, ни глава дипломатического ведомства не могут переложить политический руль.

Другими словами, но примерно то же самое, что я услышал от Г. Шмидта. Слушаю министра, не нарушая вопросами его монолога.

На дипломатическом поприще, продолжал Геншер, многое придется постигать заново. Чтобы не попасть в полон чужих оценок, надо будет засесть за документы. На восточном направлении он лучше ориентируется, так как коалиционная политика здесь определялась с его непосредственным участием. Советский посол сам тому свидетель.

Геншер предложил установить тесный контакт сразу после того, как он примет дела в МИДе. Предложение принимается.

Летом 1974 г. состоялось несколько рабочих встреч попеременно то у министра в офисе, то в моей резиденции. Геншер держался увереннее и был интереснее при встречах с глазу на глаз. Где-то с августа паузы между встречами растянулись, и постепенно я уравнился с большинством дипкорпуса в Бонне. В чем-то, пред-

полагаю, не оправдались ожидания партнера, где-то развели нас эволюции в политике ФРГ, на которые я смотрел не отрешенно.

Г.-Д. Геншер быстро поднимется в заметную фигуру на внешне-политической арене. Но справедливо и уместно отметить, что он взялся везти дипломатический воз, оснастившись своим определенным кредо. Оно раскрылось не сразу, не в один прием обрело контуры. Обобщу суть, как она виделась мне тогда.

Борьба вокруг восточных договоров расколола западногерманское общество, подчеркивал Геншер при наших встречах, и одну из своих главных задач он видит в том, чтобы воссоздать национальное единство во внешней политике.

— Почему общенациональный консенсус по коренным международным проблемам возможен в США или Финляндии, что мешает выработать его немцам?

— Советский Союз первым приветствовал бы, если бы дело оздоровления обстановки в Европе на основе признания существующих реальностей пользовалось поддержкой всех основных политических групп ФРГ, включая ХДС/ХСС. Нам чуждо стремление стравливать отдельные партии, особенно когда речь идет о строительстве прочного мира для всех европейцев. И идея общенациональной политики не вызывала бы сомнений, будь известно, на какой основе единство образуется. Кто кому ради национального согласия уступает? Одно — если оппозиция принимает точку зрения правительства, освященную к тому же волей избирателей на декабрьских выборах, другое — начини правительство двигаться навстречу ХДС/ХСС. Неизбежно встанет вопрос: за счет чего и кого?

Геншер — опытный юрист и искушенный политик. Он избегает говорить о взаимных уступках и компромиссах. По его словам, ХДС вышла из поражения на выборах 1972 г. обновленной. Даже Ф.-Й. Штраус принял позицию «договоры должны исполняться». В интересах коалиции и отношений ФРГ с СССР, а также с другими социалистическими государствами, чтобы внутривнутриполитические споры не переносились на практику.

Всем строем рассуждения министр дает понять, что основы для сотрудничества с ХДС/ХСС на практике не надо создавать. Они уже существуют. Это — известная резолюция бундестага, пристегнутая к закону о ратификации Московского договора. Но слово «резолюция» тоже не произносится.

Все остальное — частности и детали.

Не написано еще текста договора или закона, вокруг которых нельзя было устроить симпозиума интерпретаторов. И не только каждая новая эпоха оснащает нас другими очками для прочтения

вчера содеянного, но и всякий новый интерес. Если ФРГ начнет толковать Московский договор не из самого его текста и тем же займется Советский Союз, то, считай, оставаться нам долго в przygotowательном классе для повторения пройденного материала.

Национальный консенсус Геншера привязывался мною почти целиком к восточноевропейскому направлению политики ФРГ, что было не точно. О январской (1974) директиве Р. Никсона я тогда не знал⁷. Возможно, что-то было известно о ней союзникам по НАТО, хотя не уверен. Но кризис вокруг Португалии стоял перед глазами.

«Сверхдемократический» режим Салазара атлантистам не досаждал. Волнения обуяли, когда выяснилось, что диктатуру свергли не просто офицеры, но офицеры левых убеждений. Вашингтонские ястребы ратовали за контрпереворот с поддержкой его извне. Умеренные полагали, что подорвать позицию левых военных и вытеснить их из политики удастся посредством расстройств экономического положения в Португалии. В. Брандт, он был еще канцлером, брался, кроме того, привести в действие рычаги социал-демократии, чтобы возвращение Лиссабона в лоно ортодоксального атлантизма совершилось без буквальных аналогий с Пражской весной.

Сведения, готов допустить, в чем-то сгущенные, наводили на противоречивые думы, но не заслоняли нимба разрядки. Переговоры в Вене о сокращении войск и вооружений худо-бедно велись. Подготовительная работа к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе обнадеживала. Теплилась жизнь на советско-американских встречах, обсуждавших будущий договор ОСВ-2. В общем, не к чему было паниковать.

Из Москвы информации с гулькин нос, и меньше всего о наших намерениях. О том, что США не являлись тогда непарным шелкопрядом — с середины 70-х гг. Советский Союз тоже стартовал с десятков новейших военно-технических программ, — мне станет известно лишь по возвращении домой осенью 1978 г. «СС-20» не в счет. Об этой «чудо-ракете» слышали даже дети благодаря шуму, раздутому западной пропагандой.

Л. И. Брежнев рассказывал мне, как он пробивал владивостокскую договоренность с Дж. Фордом (ноябрь 1974 г.) об основах ОСВ-2. Против постоянного урегулирования, не включавшего в себя средства передового базирования, выступили советские военные. Американские ракеты и самолеты, расположенные на базах вокруг СССР, выполняли стратегические задачи и обладали признаками (короткое подлетное время, точность, способность поражать цель с высот ниже радарной видимости) оружия первого

удара. Советскому Союзу, аргументировали военные специалисты, навязывается договор, который закрепит превосходство США.

При рассмотрении этого вопроса на заседании политбюро министр обороны А. А. Гречко прилюдно обвинил генерального секретаря, который выступил в пользу ОСВ-2, бравшего проблему военных баз в скобки, в предательстве интересов страны. Если подобный договор будет заключен, то военные снимают с себя ответственность за безопасность СССР, заявил министр.

— Да, он так и выразился, — возмущался генеральный, — предаются интересы Советского Союза. Уже после Владивостока звонил и извинялся. Мол, погорячился. Я ему в ответ: так не пойдет. Назвал предателем при всех, а берешь слова назад втихую.

Л. И. Брежнев не уточнил, имел ли разговор с маршалом Гречко продолжение. Это и не существенно. Важнее другое. В ноябре 1974 г. политбюро не дало генсекретарю полномочий на договоренность с Дж. Фордом. Встречаться можно, но лишь чтобы переубедить президента США.

— А если Форд не примет нашего требования? Разрядку коту под хвост? — спрашиваю я.

Брежнев продолжал возмущаться:

— Молчат соратники. Спорить с военными не хотят. Времени в обрез. Либо ставить в известность Вашингтон, что не получается встреча, либо действовать под свою ответственность. Ладно, лечу, а там посмотрим. Свяжусь из Владивостока с членами политбюро, может быть, передумают. И знаешь, через силу, но уговорю.

Как передают очевидцы, Брежнев около часа объяснялся с Москвой. Частично на простонародном наречии. Сорвал голос. Раскипятился почти до апоплексического удара. Согласие «в принципе» вырвал. Так или иначе, это было его финальное фронтовое сражение.

Дальше — серия глубочайших срывов, которые проф. Е. И. Чазов диагностирует как «тяжелую астению». Замечу, что в своей книге «Здоровье и власть», изданной в 1992 г., Чазов правдивее и, безусловно, честнее, чем кто-либо до него, рисует Брежнева, человека и политика, его звездный час и траекторию падения. Позволю себе не согласиться лишь с двумя моментами.

С частным — неумеренное потребление (в «ударных дозах») снотворных и психотропных средств Брежневым отмечалось до того, как он стал пациентом академика Чазова. В 1964 г., во время поездки тогда председателя Президиума Верховного Совета СССР на пятнадцатилетие ГДР, меня поразило, в каких дозах врач Н. Г. Родионов назначал ему «успокоительные», в частности, для послеобеденного отдыха. Недоумения я не скрыл и в ответ услышал: «Так надо».

И с существенным — перелом в Л. И. Брежнев-собеседнике, возможно не одномоментно, произошел в 1975 г. Он показался мне столь контрастным, что я заключил — у генерального инсульт. Выражение глаз стало иным — злые и подозрительные, пропал юмор, сместились интересы. Проблески наблюдались, и в том заслуга медиков. Чего, однако, не было, так это подъемов.

В одной из записок М. С. Горбачеву я высказывал несогласие с тем, как подавались Л. И. Брежнев и его время в официальных материалах и пропаганде. Среди прочего отмечал, что после 1975 г. Брежнев являлся лишь номинальным руководителем партии и страны. Фактически правила другие. С них должен был бы быть в первую голову и спрос за кризис, в который все глубже погружались государство и система. Реакции не последовало — не понравилось. Ведь в числе «других» были сам М. С. Горбачев, Э. А. Шеварднадзе, А. А. Громыко и пр.

Повторю во избежание недоразумений: в идиотию Л. И. Брежнев до конца дней своих не впадал, памяти не утратил, иногда даже припекал подхалимов. Посещая в 1978 г. музей 16-й армии в Баку — она держала оборону на Малой земле под Новороссийском, — раздраженно буркнул мне:

— Если судить по экспозиции, 16-я решала судьбу войны.

В ноябре 1981 г., когда я отказался от настоящего предложения политбюро ехать послом в Японию, Брежнев по телефону советовался со мной о возможных других кандидатах. Сам назвал несколько имен, сопровождая их меткими, на мой взгляд, характеристиками. Тогда же в связи с подготовкой своего визита в ФРГ он по делу интересовался состоянием советско-западногерманского сотрудничества и его перспективами.

— Не послушали меня, — бросил он в сердцах, реагируя на мой прогноз, что скоро «Першинг-2» появятся на территории Федеративной Республики, — попробуй теперь переиначь.

Кого и что переиначь, осталось за кадром. Он переживал упадок разрядки — своего любимого внешнеполитического детища, но ничего поделать уже не мог. Если бы даже захотел.

Удобное место привлечь ваше внимание к истории «двойного решения» НАТО. Заказ на разработку ракеты средней дальности «Першинг-2» был выдан американской промышленности в 1968 г. Четырьмя годами позже США, согласно заслуживавшим доверия сведениям, вступили в контакт с ФРГ и Англией на предмет размещения на их территориях нового ракетно-ядерного оружия и координации усилий для продвижения соответствующего решения в Атлантическом союзе. Переговоры с нами об ограничении стратегических наступательных вооружений не мешали

Вашингтону развивать эту еще невидимую общественности активность, а настояния советской стороны на том, чтобы из процесса разоружения не выпало оружие передового базирования, лишь подстегивали темпы.

Во Владивостоке Брежнев дал согласие на подготовку договора ОСВ-2, имея в виду, что ОСВ-3 и последующие договоренности не заставят себя ждать и проблема промежуточной «серой зоны» найдет там свое решение. США не связали себя твердыми обещаниями насчет расширения сфер договоренности и позаботились о том, чтобы их союзники здесь также не zaangażировались.

Объективно Соединенные Штаты ставились перед альтернативой: допустить становление реального военного паритета между Западом и Востоком, который рано или поздно потребовал бы урегулирования по оружию средней дальности, или прервать этот процесс, пока он не стал необратимым. Президент Дж. Форд склонился ко второму. Со ссылкой на предвыборные соображения он положил почти готовый проект договора ОСВ-2 на лед. Избирательную кампанию 1976 г. президент провел под знаком отказа от политики разрядки, выдвижения дополнительных требований к СССР, укрепления военной мощи США.

Пикантная деталь: коррективы в военно-политическом курсе Соединенных Штатов, на которые вынужденно или с готовностью адаптировались их союзники, еще не сопрягались с какими-либо сдвигами в политике Москвы. Ссылки на Эфиопию и Анголу также возникнут позже. Козырная карта — замена выработавших ресурс СС-4 и СС-5 мобильными, трехзарядными «Пионерами» (СС-20) — дается в руки только в 1976 г. 17 января 1974 г., к примеру, когда Р. Никсон подписывал президентское распоряжение № 242, советские «Пионеры» не салютовали «всегда готов» и не до конца еще было ясно, когда они смогут отсалютовать.

Новый президент США Дж. Картер, подобно многим проповедникам, говорил «а», а большую часть алфавита держал в уме. В декабре 1976 г. наше посольство сообщало в Москву, что от преемника Дж. Форда следует ждать рецидивов в духе холодной войны.

Наша сторона предприняла попытки сохранить преемственность в советско-американских отношениях. Брежнев, выступая в январе 1977 г. в Туле, выдвинул «достаточность» как базовый принцип будущей военной политики СССР. Дж. Картер на это приглашение к сдержанности не отозвался. Затем наши военные вместе с МИДом добавили жару.

Тема военной безопасности и ее возможных моделей регулярно всплывала на моих встречах с канцлером Г. Шмидтом. Понятие

«театр военных действий» для Европы абсолютно не годится — тут разночтений нет. Без военной разрядки политическая разрядка нежизнеспособна — на сей счет точки зрения по-прежнему согласуются. Г. Шмидт не говорит о партнерстве в безопасности. В качестве возможной практической цели ему видятся понижение уровней военного противостояния и, как необходимая задача, устранение наиболее ярких диспропорций в составе вооружений, определявших погоду на континенте. По мнению канцлера, не нормально, что ФРГ, занимающая ключевое положение в стратегии США и НАТО в целом, фактически отстранена от решения стратегических проблем в уравнивании Запад — Восток. Отсюда интерес к оружию «серых» зон.

Кое-что из речений Г. Шмидта мне знакомо по его размышлениям периода Хардхё⁸. Немало, однако, и нового. Увязка фрагментов мирового развития в целое — Европа, Африка, Ближний и Средний Восток, советский «прорыв» в Мировой океан и новая трактовка баланса сил. Банальностей по поводу «коварства» СССР не слышно. Это оттеняет предвзятость и нарочитость критики МИД ФРГ в наш адрес из-за событий в Эфиопии и Анголе или на том же Ближнем Востоке, хотя канцлера никто не заподозрит, что он равнодушен к советскому «проникновению» в сферы западного влияния.

До нашумевшего выступления в Лондонском институте стратегических исследований я не слышал от канцлера намеков, не говоря уже о прямых предостережениях, связанных с замещением устаревших советских РСД современными СС-20. Если не полагать намеком возвращение время от времени к теме оружия «серой» зоны и необходимости придания ведущимся тогда переговорам большей универсальности. Судя по собственным пояснениям Г. Шмидта середины 80-х гг., лондонский призыв предназначался сначала Картеру и затем Брежневу. Но в Вашингтоне истолковали его «примитивно» (Г. Шмидт): вместо включения проблемы оружия средней дальности в каталог переговоров с СССР президент США предложил установить в европейских странах НАТО, которые на это согласятся, американские РСД нового поколения.

Он же, Г. Шмидт, в интервью «Вашингтон пост» (февраль 1983 г.) признал: «С конца эпохи Форда — Киссинджера в американской политике произошло несколько резких поворотов. В результате у общественности сложилось впечатление о намерении вести ограниченную ядерную войну».

Сформулировано деликатно: «впечатление». И почему Шмидт говорит об общественности? Ему лучше, чем человеку с улицы, было известно не только о «нейтронном» психозе Дж. Картера, но и о директиве президента, ориентированной на обустройство

Европы под планы реальной ядерной войны. Не уверен, вошла ли в обиход уже в то время такая нюансировка, как «ядерные войны малой интенсивности». Но и без этого дополнительного дробления атома ни у кого не могло быть сомнений — гонка вооружений выводится на более высокий и опасный виток спирали.

От Шмидта я знал, что после трудных раздумий и долгих колебаний он принял идею Дж. Картера о «нейтронизации» территории ФРГ. Канцлеру пришлось развить всю недюжинную свою энергию, чтобы заручиться поддержкой этого проекта кабинетом. Депеша из Вашингтона, что Картер подвешивает «нейтронную бомбу» и отзывает просьбу о принятии в Федеративной Республике этого оружия, шокировала Шмидта.

— Я усвою преподанный урок. Другой раз подобные штучки со мной не пройдут, — заметил он в разговоре со мной.

Не нарушу, полагаю, доверительности моих контактов с коллегой В. Пиантковским, сообщив, что польские друзья получили информацию о ревизии позиции Картера в споре по «нейтронному оружию» за полсутки до публичного объявления об этом. Ввиду важности и срочности предмета В. Пиантковский поднял меня среди ночи, специально приехав к нам в посольство. Он, должен заметить, был одним из самых знающих и солидных дипломатов в Бонне.

Картер, повторю, узрел в лондонском выступлении Шмидта то, что ему хотелось увидеть, и повязал западногерманскую сторону по рукам и ногам. А Л. И. Брежнев или, вернее, А. А. Громыко, Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов, они уловили, чем пахнет?

С Устиновым обменов мнениями о РСД я не вел и его посылки раскрыть не могу. О позиции Андропова слышал из вторых рук. Как будто были у него не только за, но и против нашей линии, по существу игнорировавшей сигналы из ФРГ. Точку зрения Громыко в состоянии воспроизвести в подробностях, высказанных лично мне.

— Нет никаких оснований думать, — докладываю я, — что Шмидт блефует. Он не оспаривает, что идет замена устаревших систем, готов даже принять это объяснение при условии, если новое качество и скрытое в нем количество не нарушат устоявшегося соотношения сил в Европе, автономно от макробаланса между СССР и США. Уход от обсуждения темы РСД с западными немцами был бы подарком тем кругам в Вашингтоне и НАТО, которые были и остаются против общеевропейской безопасности.

— Вы предлагаете менять наши ракеты на воздух.

— Я предлагаю предотвратить появление новых угроз нашим интересам. Когда «воздух» превратится в «Першинг-2», разговаривать будет поздно.

— В политике понятия «поздно» не существует.

Примерно в это же время я потерпел очередную неудачу в попытках пригласить советское руководство хотя бы взвесить, насколько наша военная концепция согласуется с меняющейся европейской действительностью. Мои размышления преподносились на фоне информации о проработке в НАТО способов действий, в частности, на случай антирежимных волнений в Польше, ГДР или в других странах ОВД.

Это было после подписания Заключительного акта Хельсинки. Провозглашенный отказ от вмешательства в чужие внутренние дела не мешал атлантистам планировать вмешательство за гранью фола. Особые расчеты связывались с совершенствованием методов вовлечения больших масс населения в уличные демонстрации, расстройств с их помощью структур поддержания общественного порядка, а также «мирного» блокирования в местах расквартирования в странах Организации Варшавского договора советских войск и сужения тем самым возможностей их использования в поддержку союзных властей.

Я предлагал радикально сократить численность вооруженных сил участников Варшавского договора и изменить их построение, имея в виду, что отражение внешних угроз эффективно приняли на себя стратегические силы. Снова выступал за то, чтобы высвобождающиеся средства и ресурсы были направлены на решение социальных проблем и повышение жизненного уровня населения.

Громыко счел эти мои соображения «несвоевременными». Ситуация в странах Организации Варшавского договора подсказывала, на его взгляд, если не расширение военных и карательных институтов, то никак не их свертывание. «Такого же мнения, — утверждал министр, — Юрий Владимирович (Андропов)».

С Л. И. Брежневым этой общей темы я больше не затрагивал. Он детальной информацией не владел и, начини я такой разговор, наверняка первым делом спросил бы: «Что думают на сей счет Громыко, Андропов и Устинов?» Но от РСД уйти было невозможно. Мне представлялось нечестным, щадя его здоровье, скрывать от Брежнева свои озабоченности.

Не удивляйтесь, придавленный немощью человек рассуждал в чем-то более здраво, чем его дееспособные министры.

— Ты прав. Вопрос есть. США хотят говорить за Европу. Нужно ли это нам? Сомнительно. Шмидт, ты думаешь, держит про запас приемлемую нам развязку?

— Канцлер настаивает на том, чтобы Советский Союз обозначил предел, до которого мы собрались идти с развертыванием СС-20. 50, 100 или больше появится наших ракет? В зависимости от ответа будет определяться окончательная позиция Шмидта.

— Громыко в курсе?

— Разумеется. Но министр не принимает к рассмотрению точек зрения, не совпадающих с его собственной.

— М-да.

Мы продолжили наш диалог с Брежневым в ходе его второго визита в ФРГ (май 1978 г.). Я подводил генерального секретаря к мысли, что обстановка не только требует, но и благоприятствует прояснению и сопоставлению намерений друг друга. Фронты не затвердели бесповоротно, на что указывал также следующий симптоматичный эпизод.

За три-четыре дня до прилета Л. И. Брежнева в Бонн поступает телеграмма: вам поручается согласовать с западногерманской стороной окончательный текст совместного заявления по итогам предстоящей встречи на высшем уровне; за основу должен быть взят проект, обговоренный в рабочем порядке (прилагается); исходите из того, что существенные отклонения от проекта для нас неприемлемы.

Как снег на голову. До этого момента Центр ни сном ни духом не посвящал меня в процесс подготовки заявления. Из телеграммы явствует, что дело на чем-то споткнулось. На чем?

Связываюсь с послом Руфусом. Он после рано унесенного болезнью Зане курирует в ведомстве канцлера наши дела. Посол многозначительно рекомендует обратиться напрямую к Шмидту, который, правда, находится в Гамбурге. Звоню канцлеру домой. Он подтверждает, что возникли осложнения, и приглашает незамедлительно встретиться с ним.

Смотрю расписание рейсов на Гамбург. Шмидта принимает ближайший терминал. Генконсул В. А. Коптельцев встречает меня, и с аэродрома вместе к канцлеру. Худа без добра не бывает — по программе Г. Шмидт устраивает завтрак в честь Л. И. Брежнева у себя дома. Меня будут спрашивать, как и что в этом доме выглядит. Смогу поделиться впечатлениями.

— Случилось непредвиденное. Я направил Бара в Москву обменяться мнениями по поводу узловых положений заявления (декларации). Он на свой страх и риск сочинил с вашим МИДом проект. Геншер в претензии за то, что его обошли. Кроме того, он возражает против сути ряда положений. Я не собираюсь ссориться со своим заместителем из-за какой-то бумаги, без которой можно было бы и обойтись. Но, естественно, вы оказали бы услугу также и мне, если бы сумели по-хорошему уладить недоразумение с Геншером.

Громыко готовится восторжествовать? Поставил меня перед почти неразрешимой задачей и не моргнув глазом скажет своим коллегам по политбюро: то, что я знал один, теперь очевидно всем — не справляется этот посол с элементарными обязанностями.

ми. Министр проделал нечто подобное с Н. Т. Федоренко, нашим постоянным представителем при ООН, М. Н. Смирновским, послом в Великобритании, И. И. Ильичевым, когда отзывал его из Дании, освобождая место Л. Орлову⁹. Настал мой черед.

Интересуюсь у Шмидта, каким идеям он придает значение и что хотел бы видеть непременно отраженным в заявлении? Федеральный канцлер не великий гурман до дипломатической кондиции. Его пожелания не обильны, но вооружения «серой» зоны, подлежащие включению в переговоры, он не упустил упомянуть.

Я почти добрался до сердцевины обещанного вам эпизода. Еще минуту-другую терпения.

Из дома Шмидта связываюсь с бюро Геншера: мне бы нужно встретиться с министром иностранных дел по безотлагательному делу, прошу назначить время и место. Пару минут спустя получаю ответ — сегодня, в 20.00 у Геншера дома, что под Бонном. Чтобы поспеть на нужный самолет, надо немедленно прощаться с канцлером.

— Нет, мы не завершили с вами разговора. В Бонн полетите, если не возражаете, на самолете, обслуживающем правительство, а дополнительный час, который в нашем распоряжении, используем для уточнений, где мы находимся и что можно ждать от визита вашего руководителя.

Отложив в сторону злосчастное заявление, мы заканчивали встречу гораздо содержательнее, чем ее открывали. Лишний раз я убеждался, что с Г. Шмидтом нужно было выводить наши отношения на более глубокую воду, и немалую пользу могло бы принести органическое неприятие им тягомотины. Если бы это зависело только от него, Шмидт двигал бы вперед отношения с СССР не словами, а делами.

Но Громыко смотрел на Шмидта с резервом. Канцлер, по-видимому, не придавал значения одному случаю и, возможно, даже забыл его. А мой министр помнил и лелеял.

Участники заседания СБСЕ в Хельсинки на уровне глав государств и правительств (июль 1975 г.) встречаются между собой. Шмидт и Геншер беседуют с Брежневым и Громыко. Федеральный канцлер с иронией замечает, что советско-германские отношения развивались бы плодотворнее, если бы «А. А. Громыко и А. П. Бондаренко держали себя погибче».

Брежнев устал и ждет, когда кончится официализация и можно будет соснуть. Ему не до шуток. «А. А. Громыко пользуется полным доверием советского руководства и выражает его позицию» — так отозвался генеральный секретарь на реплику Шмидта. Сказал как отрезал. Стороны застегнули на мундирах все пуговицы и принялись начищать их до блеска.

До ухода с поста главы правительства ФРГ Шмидт не был прощен. Громыко вел его по списку своих оскорбителей и предвзято воспринимал все, что исходило от канцлера. По моим наблюдениям, он не был опечален развалом социал-либеральной коалиции. Как-никак с ней кончалась эра Г. Шмидта.

Объяснение с Геншером было для меня не простым, но, смею думать, оно позволило что-то снять из наносного и второстепенного. Канцлер, судя по всему, подробно рассказал ему о нашей гамбургской беседе, о том, насколько я сам ошарашен историей с заявлением и в какое незавидное положение поставлен указанием Громыко. Мы условились с Геншером сделать все от нас зависящее для достойного выхода.

На переговоры со мной министр уполномочил статс-секретаря ван Белля, которому помогал министерский директор Г. фон Браунмюль. Составление нового проекта заняло около суток. Советник посольства В. Н. Попов и я были едины в оценке, что наши западногерманские коллеги держались подчеркнуто кооперативно. Две формулировки мы оставили не до конца прочерченными, да и то, если по правде, чтобы дать Громыко возможность заявить — последний мазок в картине принадлежал ему.

Ван Белль вносит предложение сделать в проекте запись по вооружениям «серой» зоны. Даю на это согласие, но, зная некоторые особенности подходов Громыко, оговариваю, что попрошу подтверждение из Москвы. Подтверждение поступило. Взяв, однако, в руки текст подписанного заявления, вы убедитесь — отсутствует в нем упоминание о «серой» зоне. Что же стряслось? Сторона ФРГ изъела его.

Как тогда было принято, проекты советско-западногерманских политических документов пропускались через консультационный фильтр трех западных держав. США, как мы узнали, «порекомендовали» опустить указанную запись. Их поддерживали представители Англии и Франции. Переговоров с Советским Союзом по оружию средней дальности чурались. Они были противопоставлены планам размещения в Западной Европе систем средней дальности, восполнявших «пробелы» в глобальной стратегической сети Соединенных Штатов.

Мне не удалось докопаться, кому я был обязан принятием в Москве проекта записи о «серой» зоне. От Громыко слышал, что «политбюро одобрило проект без единого замечания». Возможно, гладко прошло и потому, что предварительные проговорил все необходимое с помощниками Брежнева, благо за несколько дней до начала государственного визита в посольстве установили специальную телефонную связь с Москвой. Не исключено.

Эпизод с «серой» зоной стал для меня поводом, чтобы вернуться к проблеме РСД в разговорах с Брежневым и Громыко уже в ФРГ. Министр любил, поскольку в его власти, сохранять различные варианты. Соответственно я упирал больше на сужение поля для маневрирования, чем на доводы по сути, которые Громыко уже слышал от меня и отклонил. Результат не изменился. Вычленение из уравнения автономного интереса ФРГ его не вдохновляло.

В два захода я ттился расшевелить Брежнева. Задел его слабую струну — приверженность разрядке. Перед встречей в доме Г. Шмидта применил допинг.

— Ситуация напоминает канун Владивостока. Тогда вы переломили инерцию и отстаили единственно правильное в тех конкретных условиях решение. Ныне мы поставлены перед необходимостью упредить развитие с необозримыми последствиями. Если вы дадите канцлеру удовлетворяющий его ответ по количеству наших СС-20, уверен, худшее останется позади.

— Валентин, ну что ты на меня нападаешь. Убеди Громыко.

Сказано это безнадежным тоном. Разве не видишь, что «для них» я больше не авторитет? Зевсом он никогда не был, а теперь чем-то походил на шекспировского Лира.

Г. Шмидт долго не захлопывал дверь, не запирали ее на ключ. Еще один шанс он предоставил советской стороне летом 1979 г., когда по дороге на Дальний Восток (или обратно) специально делал остановку в Москве. На аэродроме в Шереметьево канцлера приветствовали А. Н. Косыгин и А. А. Громыко. Главный предмет беседы — «довооружение» Запада перед лицом «сверхвооружений» Востока. Шмидт добивался — или Советский Союз раскроет, куда он клонит чашу весов, или ФРГ поддержит «профилактические защитные» контрмеры НАТО. Наши представители сыграли в молчанку.

В 1981 г., не имея никаких полномочий, я поставил перед Шмидтом вопрос так: что ждет он от СССР, какие минимальные акции на нашей стороне должны быть предприняты, чтобы отпала вторая часть уже состоявшегося двойного решения НАТО? Федеральный канцлер к ответу не был готов.

— Для этого надо проконсультироваться с США и другими союзниками.

Бывает же такое везение! Именно в сей момент Шмидта приглашает к телефону генерал Роджерс, главнокомандующий войсками НАТО в Европе. Канцлер оставляет меня одного в своем кабинете. Возвращается с озабоченным лицом. На мой вопрошающий взгляд не реагирует.

От лучшей девушки Франции нельзя требовать больше, чем она имеет, говорят галлы. Мы сами были виноваты. Ни к чему

затягивать неловкость. Ссылаясь на то, что мне еще добираться до Висбадена, где меня ожидает пастор Нимеллер, прощаюсь со Шмидтом и с надеждами на избавление.

Очень важно в политике и дипломатии обозначиться в счастливый момент, когда удачно сходятся не только светила на небе, но и звезды различной величины на Земле. Еще важнее для политиков и дипломатов вовремя уйти. Это и много труднее, ибо зависит в основном от тебя самого. Если уже поджигают обстоятельства, считай, что ты запоздал и убираться тебе придется, склонившись как Пизанская башня.

Мой пример показателен. Настоял бы на отставке в 1973 г., спокойно жил бы с чувством исполненного долга. В 1978 г. меня впору было бросать в карцер вместо дьяка или подьячего, что огорчал великого князя вестью о солнцевороте. Оставалось помышлять о недопущении худшего. Добрососедство отдалялось, как мираж в пустыне, — чем ближе, тем дальше.

Все в руцех Божьих, заметит фаталист. Не могу я с ним согласиться. Конфронтация не судьба, а выбор. Это доказали 70-е годы. Конкретные политики породили разрядку, подняли ее на высоту большинству на загляденье. Они же ее и сгубили. Сбили, как жаворонка в небе. Чтобы не пел о радости жизни слишком громко и не обещал перемен слишком щедро.

Разрядка, если верить ее недругам, не оправдала надежд, оказалась малоэффективной. Для понимания происходящего и происходившего больше дает сравнение не позиций двух сторон, а подходов одного на разных этапах развития. Каких надежд? Заявленных в момент формулирования политики, не оправдала? Или расчетов, вытщенных из тайников или запасников? А может быть, из-за элементарных просчетов? Отсутствие эффективности в отдельно взятый отрезок времени не есть показатель генеральной негодности и неправильности, так же как и сенсационный прыжок в высоту или безумный — в бездну не являются посылкой для выведения некой общей закономерности. Тем более что эффективность в политике чаще всего категория производная от желаемого и желательного.

